

Михаил Русанов

СОЛНЦЕ В СТАКАНЕ

уходящие сумерки одиночества

Михаил Русанов

Солнце в стакане

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11611667

Аннотация

Чтобы съездить с танцовщицей Викторией в Испанию на праздник настоящего фламенко, Виктор продаёт рукопись своего романа, над которым работал несколько лет. Понимая, что состоявшаяся поездка окажется последней точкой в его отношениях с Викой, он идёт на подобный шаг, предпочитая ценить в жизни только настоящее, только то, что есть сейчас, потому что в будущем нет никакой определённости, и вообще, в жизни слишком мало того, за что стоило бы держаться: друзья, дело, которому предан, любовь.

Содержание

Отступление 1	5
Глава 1	6
Отступление 2	28
Глава 2	29
Отступление 3	49
Глава 3	50
Конец ознакомительного фрагмента.	59

**Солнце в стакане
уходящие сумерки
одинокчества
Михаил Русанов**

© Михаил Русанов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Отступление 1

Двойственность собственной природы воспринимается как данность. Подпись: снобизм.

Действительно, огромные различия в поведении, когда пьёшь дешёвый портвейн или марочный виски. Свойство природы. Кто-то назвал это убожество характером.

(Из жёлтой папки «Маргинал и Кошка»)

Глава 1

Он видел разный снег, – колкий снег, хрустящий снег, снег мягкий, как вата, снег грязный и снег чистый, нестерпимо сверкающий под лучами солнца. Иногда снег бывал мокрым, переходящим в дождь. Бывал и сухим, обжигающим ладони...

Этим вечером снег был грязью. Оттепель.

Сазаров не собирался идти к Зальцману. Ему вдруг показалось глупым заказывать новый костюм. Глупо и расточительно. Зальцман сошьет качественно и красиво, но...

Сазаров представил, как вытянется физиономия Зальцмана, когда он не придет в назначенный час, закурил и направился в сторону книжного магазина. До закрытия оставалось полчаса. Продавщица уже надела норковое пальто, в котором выглядела за кассой нелепо. Выбрав томик ранних рассказов Хемингуэя, Сазаров заплатил. Продавщица с безразличным видом упаковала книгу в фирменный пакет из жёлтой оберточной бумаги. Словно рыбу на рынке, подумал Сазаров, обратив внимание на толстые пальцы продавщицы, схваченные яркими дешевыми колечками.

Выходя из магазина, он оступился.

Оттепель изменила город. За одну ночь серебро сошло с деревьев мутной водой. Всюду расплзлись грязные лу-

жи – явление странное для середины января. Никакого намека на крещенские морозы. Серое небо опустилось до самых крыш, и сквозь лоскутья облаков иногда был виден медный пятак луны. Одноглазое небо нагло подсматривало в замочную скважину. Огни ночных реклам и уличные фонари освещали город мутным, тусклым светом. Словно кто-то протер грязной влажной губкой огромное оконное стекло.

На автобусной остановке собралась толпа. Сазаров раздумывал, где бы ему провести остаток вечера, когда в десяти шагах от остановки раздался резкий сигнал клаксона, и кто-то закричал. Серый старенький Фольксваген уткнулся бампером в поребрик тротуара. Пожилой водитель выскочил из машины. Собралась толпа любопытных. Водитель помог подняться с земли растерявшейся молодой женщине. Она растеряно смотрела по сторонам. Кто-то подал ей пошлого вида песцовую шапку, упавшую с ее головы в момент удара. Сазаров подошел ближе. Ее взгляд задержался на нем, и скользнул дальше, в лица любопытных и сочувствующих. Мила, подумал Сазаров и потерял интерес к происходящему. Водитель усадил женщину в машину. Через секунду Фольксваген рванул от тротуара. Сазаров остановил такси.

– К «Старому дому», – он громко хлопнул дверцей.

– Полегче. – Скривившись, как от зубной боли, проворчал водитель.

Какое-то время такси преследовало Фольксваген. Затем он свернул с главной дороги в сторону городской больницы.

Сазаров представил, как закажет ризотто с пармезаном и горошком, и перестал думать о невольной пассажирке Фольксвагена. Случайный взгляд при свете фар и незнакомая жизнь в тени. Стоит ли думать об этом больше пяти минут?

Два тусклых фонаря на тяжелых цепях в китайском стиле освещали вход в ресторан. В желтом пятне света перед входом никого не было. И вдруг:

– Не найдется сигареты?

У девушки пустой взгляд.

– Не курю. – Сазаров толкнул массивную дверь и вошел в ресторан.

Умер целый мир возможных причин и следствий.

Почему я отказал ей? Захотел. Прихоть. Возможно, я бы смог развеять ее скуку. Но кто развеет мое скверное настроение? Иногда мир похож на огромный абортарий. На помойку отправляются пустые надежды, несбывшиеся мечты, упущенные возможности. Хотя мусорное ведро не самое худшее место для вечных иллюзий... Надо обязательно заказать грамм сто пятьдесят водки. Вряд ли это изменит настроение, но превосходно дополнит ризотто. Забавно. Только что тянуло с помойки сгнивших фантазий, а теперь явственно чувствуется вкус водки на губах.

Прав Зальцман. Нелепостей в жизни хватает. Как-то сержант в «учебке» разбил Савве лицо в кровь. Было это давно, вроде пустяк, но помнится до сих пор.

– Знаешь, вкус собственной крови на губах отлично способствует восприятию реальности во всей ее тошнотворной наготе. – Заметил тогда Савва, сплевывая кровавую слюну.

– Пережить это помогает лишь водка. – Ответил ему Сазаров...

Пряжкин поправил галстук. Сазаров выпил. Галстук совсем не шел Пряжкину.

– Завидую твоему умению пить.

– Каждый в чем-то талантлив. – Сазаров усмехнулся, ухватил вилкой огромную креветку, зачем-то потёр ею ломтик лимона, и съел. – Трудно разглядеть этот штрих в ком-то другом. Он затерт житейским ластиком. И слава богу. Иначе мы все давно бы удавились.

– Почему?

– Невыносимо видеть таланты других... Слушай,ними этот галстук. Он совсем не подходит к рубашке.

Возле стойки бара устроились две девицы. Они пили дешевое пиво, курили и смотрели в сторону входных дверей. Один раз они обратились к бармену. Поменялись пустые бокалы и пепельницы. Они скучали.

– Тебе нужны приключения? – Пряжкин проследил взгляд друга.

Сазаров пожал плечами.

– Ты невыносим. Ты трезвый несносен, а когда пьяный...

– Продолжай. – Сазаров наполнил рюмку...

Заказывая ризотто, Сазаров поинтересовался у официанта, здесь ли хозяин заведения? Получив утвердительный ответ, он попросил пригласить Пряжкина за свой столик. Лицо официанта вытянулось.

– Я думаю... – Начал он.

– А вы не думайте. Просто передайте Пряжкину мои слова!

Теперь Сазаров жалел об этом. Пряжкин раздражал. Дорогой костюм. Дорогие часы. Серебряная зажигалка. И небрежно завязанный «кричащий» галстук, с жирным пятном на конце.

– Ты в последнее время много пьёшь. За здоровье не переживаешь?

– Я не собираюсь жить вечно.

– Что за бред! Перестань. Мы же не гопники, цинично рассуждающие о жизни, словно она какая-то дешёвая проститутка. Я тебя хорошо знаю, Виктор. Подобная простота тебе не свойственна.

– Ты все усложняешь.

– Я?! – Пряжкин рассмеялся. – Куда мне до тебя! С людьми сходишься хреново, расстаешься скверно. Тебе наплевать на себя. Согласен, с этим можно жить. Но тебе и на других наплевать, вот в чём проблема.

– Закажи еще водки.

– Ты еще эту бутылку не допил. Домой не собираешься? Я сегодня на машине, могу подвезти.

– Я еще посижу.

Пряжкин поднялся. Щелкнул дорогой зажигалкой. Пустил дым колечком.

– За ужин не плати. Угощаю.

– Не унижай меня.

– Мудак ты. Ладно, звони. Если не увидимся, помни про пятое февраля.

Пряжкин ушел. Сазаров проводил его взглядом и жестом позвал официанта.

– Повторите заказ.

Домой он добирался пешком. Ночью его мучили кошмары.

Утром ртуть сползла до минус десяти. Сазаров проснулся в полдень. Уняв головную боль стаканом джин-тоника и сварив крепкий кофе, он уселся за печатную машинку. Раз в месяц приходилось браться за правку статей г-на Лобова. Занятие скучное, но дающее осязаемое дополнение на хлеб насущный. Через два часа тщетных попыток «облагородить» несусветную чушь г-на Лобова, Сазаров все бросил, оделся и вышел на улицу.

Магазин «Видео-Арт» располагался в двух остановках от его дома. Он решил пройтись пешком.

Замерзший город выглядел опрятнее. От луж остались

зеркальные блюда. Они звонко похрустывали под ногами.

Сазаров вспомнил о Зальцмане, и легкий укол стыда заставил его остановиться. Достав сигарету, он долго мял ее в пальцах. Щелчок зажигалки, и все стало как прежде – легко и незатейливо...

В магазине толпился народ. Кто-то выбирал видеокассеты и dvd-диски, кто-то глазел на загорелые фигурки манекенщиц, демонстрирующих на экранах десятков телевизоров нижнее белье.

Сазаров подошел к девушке за кассой. Она всматривалась в маленькое зеркальце. Слишком яркая помада на губах вызвала у нее сомнение.

– Валерка у себя?

Она вздрогнула, улыбнулась.

– Честно говоря, я думала, что больше не увижу тебя. – Тихо прошептала Аленка.

Сазаров на всякий случай поддался назад.

– Я ждала тебя. – В глазах трогательная надежда, в голосе обида.

– Я был занят. – Сухо ответил Сазаров.

– Скотина!

Некоторые женщины находят прелесть в своих обманутых надеждах. Они не забывают их. Это всегда казалось ему странным.

Ничего не обещающий флирт, прогулка по ночному городу. Маршрут сугубо мужской – от одного кабака до дру-

гого. Потом не слишком теплая кровать, не слишком бурная ночь. После пустой разговор. Говорит она. Ты смотришь в серый потолок и куришь. Какую-то Катеньку бросил муж. (Скотина и ублюдок!) У какой-то Ирочке проблемы с беременностью. Доктора опасаются, что больше она не сможет иметь детей. А еще в западном журнале опубликовали фото известной актрисы. На фотографии она такая страшенькая, что даже не верится. Чёртова скука! При неловком прощании пустое обещание звонить. При встречах на вопросительный взгляд отвечаешь безразличием, понимая, что будущего нет. Проходит время, все забывается. А она помнит.

– О чем задумался? Опять пить будете? – Нотки разочарования.

Сазаров был уверен – у Валерки приличные запасы спиртного. Иногда в его кабинете витал аромат хорошего коньяка. Изредка появлялись марочные вина. Водка была всегда. Так же всегда могла отыскаться дешевая мадера. И не одна бутылка. Мадера была бы сейчас кстати.

– Нет. Сегодня вечером нам надо зайти к Зальцману.

– Я понимаю твою бывшую жену. – Вздохнула Аленка. – С тобой нельзя жить. Ты постоянно врешь.

– Может, сходим куда-нибудь, а? Не сегодня, – поспешил добавить Сазаров. – В будущем.

– Будущее – слишком не определенное понятие. А у некоторых его вообще нет. – Фыркнула Аленка.

– Рад был увидеть. – Идя к кабинету Валерки, он чувство-

вал ее презрительный взгляд на спине...

Зальцман был сама любезность. Он тут же выпроводил клиентку – дородную женщину, которой в пору был чехол от автомобиля, и занялся друзьями.

Валерка еле держался на ногах. Савва усадил его на широкий диван, обитый дорогой замшей. Диван знал и лучшие времена, и, видимо, в памяти Зальцмана ассоциировался с приятными воспоминаниями. Валерка тут же уснул. Под его тяжестью диван заскрипел. Зальцман попытался поднять друга.

– Оставь его. – Сазаров уселся в глубокое кресло. – У тебя кофе есть? И пепельница.

Савва разочаровано смотрел на спящего Валерку.

– Есть. Тебе с молоком?

– Черный. И без сахара.

Считалось хорошим вкусом заказывать вещи у Зальцмана. Модельер он был отменный. Имел несколько призов со столичных конкурсов и показов.

– Его популярность растет на нашем тщеславии, – как-то заметил Валерка.

Слова дошли до Зальцмана. Он не разговаривал с Валеркой месяц.

– Я ждал тебя вчера.

– Забыл. – Сазаров закурил. – Процедура будет долгой?

– Снять мерки недолго. Куда-то спешите?

– Мне неудобно у тебя.

Савва заварил кофе и ухмыльнулся.

Через двадцать минут мерки были сняты. Молодые ассистентки Зальцмана знали свое дело.

– Сразу можешь не платить.

– Кредит? Пряжкин заплатил за мой ужин. Валерка угощает водкой. А ты открываешь кредит. Что с вами случилось? Валерка останется у тебя. Не возражаешь?

Перспектива увидеть чужую блевотину отразилась в глазах Зальцмана ужасом. Скорее всего, ночью Валерку одолеет тошнота. Факт, утром диван будет не в лучшем виде.

– Пусть спит. – Согласился Савва, досадуя, что не догадался уложить друга где-нибудь в углу.

Редактор ничего не хотел слышать про задержку статьи г-на Лобова. Петр Андреевич нервничал, повышал голос, стучал ладонью по столу. Сазаров смотрел в окно.

– Петр Андреевич, распорядитесь насчет аванса.

Редактор запнулся на полуслове. Он снял очки, протер стекла и удивленно уставился на Сазарова.

– Виктор, твои статьи хороши. Очень хороши для нашей маленькой провинциальной газетки. Но они не делают погоду в этом доме. – Редактор развел руками. – Понимаешь?

Сазаров понимал. Но ничем помочь Петру Андреевичу не мог. Не хотел. Как только редактор упомянул, благодаря кому Виктор работает в газете, разговор стал ему не интере-

сен.

– Так как, распорядитесь?

– Сколько? – Устало спросил редактор, доставая портмоне...

Сазаров вышел из редакции газеты в скверном настроении. Статьи г-на Лобова представляли полный бред. После литературной обработки, доводки и дополнений, они выглядели более сносно. По крайней мере, их можно было читать. И все довольны. Лобов – тем, что статьи читают, Петр Андреевич – тем, что газета выходит. Сазаров получал копейки. Грёбанный круговорот вещей в природе.

Что-то менять он не собирался. Г-н Лобов числился среди главных учредителей газеты. Тут не многое поменяешь. Своё положение он воспринимал спокойно. Редактор был в большей зависимости. Сазаров мог в любой момент уйти. Такое случалось в прошлом, могло произойти и в будущем. А Петр Андреевич был привязан к газете. Он ее создал, и уходить ему было некуда.

Два года назад Пряжкин заявился к Сазарову и сказал, что для него есть работа. Виктор не стал отказываться. Не стал доискиваться причин, благодаря которым все так сложилось. Стечение обстоятельств, решил он. Позже кое-что прояснилось. Пряжкин в то время переживал бурный роман с дочерью г-на Лобова. Их познакомил Зальцман. От Пряжкина она узнала про Сазарова, на тот момент безработного жур-

налиста. Она тут же похлопотала за него перед отцом. («Ну не сложилась карьера в Санкт-Петербурге. Ну, пьёт человек, с кем не бывает. А журналист он хороший!») Дело тянулось полгода. Грянули выборы мэра. И г-н Лобов быстро смекнул, как можно использовать благодарность журналиста.

Странно все сложилось. Влечение нимфоманки (дочь Лобова мечтала снять штаны со всех знакомых мужчин), обернулось временной стабильностью в жизни спивающегося журналиста. А благодарность журналиста послужила причиной дружбы нынешнего мэра с г-ном Лобовым. Вроде бы долги оплачены. Но Петр Андреевич правку статей г-на Лобова почему-то каждый раз поручает Сазарову.

Виктор пересчитал деньги. Не густо. Неделю назад пришлось заплатить за квартиру на месяц вперед. Деньги одолжил Пряжкин. Надо вернуть ему часть. И за ужин заплатить. Решено. Вечером ужинаем в «Старом доме». Пряжкин удивится.

Сазаров усмехнулся и закурил.

Когда-то Пряжкин занимал у меня. Все изменилось. Мир. И мы. Мир стал тверже. Наверное, таким он был всегда. Железобетонным. Мы стали менее прочны. Играем в вечную игру – лбом об стену. Либо разбиваем голову, либо пробиваем стенку... Некоторые ищут чёрные ходы. Подставляются, лизоблудничают, пытаются трахнуть других, но, в конечном итоге, трахают сами себя. Результат всегда один – за стеной другая стена. И разница лишь в том, что у одних разбиты

лбы, а у других боль в заднице. Пресловутый выбор, долбанная, развращающая альтернатива. Хорошее – враг лучшего!

Рассмеяться бы, да что-то тошно. Сколько упущено, пока бился головой. Сколько мимо прошло, а ты не заметил, не оценил. Принял за бесценно, за безвкусную безделушку.

За спиной три года семейной жизни, работа в престижной крупной газете. Развод и увольнение. Бывшей жене оставляешь все имущество, на работе – безупречную репутацию. В активе – пустые карманы и клеймо алкоголика. Все начинаешь с начала, на пустом месте. Тебе тридцать пять, снимаешь маленькую квартирку в провинции, работаешь в мелкой газете, купленной с потрохами г-ном Лобовым. Относишься к этому не серьезно. Приходишь на работу с опозданием на час. Уходишь в обед. Где еще уважаемый Петр Андреевич найдет такого идиота, готового за копейки корпеть над статьями г-на Лобова? Вечером пустой разговор с незнакомцем за рюмкой в баре. Встречи с друзьями, которые приводят к тяжелым запоям. В общем, все как у людей. Только куда делось ощущение внутренней прочности? Кто-то скажет – неудачник. Плюнуть такому в лицо.

До вечера Сазаров сидел в кафе. Смотрел в окно на голубей. Мороз и голод сделали их необычайно наглыми. Они сбивались в стайки и жались на автобусной остановке к самым ногам людей. Голод поборол страх. Инстинкт выживания вошел в противоречие с самим собой. Кто-то кидал го-

лубям семечки и крошки хлеба. Кто-то – дымящийся окурок. Вспомнился Хичкок. «Птицы». Жуть. За голубями пристально наблюдал облезлый серо-рыжий кот...

Валерка устроился возле стойки бара. Увидев Сазарова, он заказал рюмку водки и бутерброд с ветчиной.

– Вот и пресса пожаловала. Выпей.

Сазаров выпил.

– Ты как здесь? – Он вдруг ощутил голод и с жадностью откусил приличный кусок бутерброда.

– Не знаю. – Валерка тряхнул головой. – Проснулся утром у Зальцмана. Ничего не помню. Как я у него оказался?

Сазаров позавидовал. Напиться до беспамятства, погрузиться в черное небытие, и вернуться в новый день с разумом младенца, не ведающего за собой греха, – тут есть чему завидовать. Сазарова обычно тошнило. На утро он помнил все. Головная боль и стыд.

– Сегодня за ужин плачу я.

– Неужели? – Усмехнулся Валерка. – Продал свое перо?

– И очень удачно.

– Так и душу дьяволу недолго заложить.

– Пряжкин пугает меня циррозом печени, ты – муками ада. Есть о чем подумать. Но не сейчас.

– Ты слышал? – обратился Валерка к бармену, – мы закажем все фирменные блюда вашей паршивой кухни.

– Фирменные блюда стоят приличных денег. А насчет пар-

шивости... Что-то я не замечал, что бы вы предпочитали ужинать в другом месте.

Бармен невозмутимо протирал бокалы белыми салфетками.

– Здесь нам самое место. «Старый дом» как раз для таких маргиналов как мы.

– Опять все запишите на счет хозяина?

– Ты испортил мне настроение. – Ответил Валерка.

Они сели за пустой столик. Валера принял из рук официанта бутылку водки.

– «Crystal». Отлично. Удивим Пряжкина.

Он заказал самые дорогие блюда. Сазаров, отметив про себя, что, оплатив заказ, у него еще останется немного, после недолгого раздумья заказал два пирожных.

– Зачем? – Удивился Валерка. – Закусывать этим водку – извращение.

– Для птиц.

– Ты меня пугаешь. Если тебе пришла в голову такая блажь, то почему бы не заказать сразу целый торт?

Сазаров щелкнул пальцами.

– Времена не те.

– Об этом не беспокойся. Идея бармена не плоха. Запишем на счет Пряжкина. Не так часто мы это делаем.

– Когда-нибудь мы его разорим.

– Это его проблема. Я бы на его месте не угощал бесплатно старых друзей. Выпьем за расточительную бескорыст-

ность. – Он наполнил рюмки.

– И за г-на Лобова.

– Он-то тут причем?

– Пока у него чешутся руки написать хорошую статью, мне есть на чём заработать.

– Все мы паразиты.

Через час Валерка сник. Уронил голову на руки и уснул. Сазаров со злорадством ощущал в себе состояние, когда пьешь и не пьянеешь. Жуткое состояние. Позже оно обязательно сыграет скверную шутку. Земля уйдет из-под ног, и тело перестанет слушать разум. Утром будет хуже обычно-го.

Сазаров затушил сигарету и выпил...

Утром пятого февраля Сазарова разбудил телефонный звонок.

– Готов? – Голос в трубке отозвался головной болью.

– К чему?

– Сегодня турнир. Мы заявлены. Забыл?

Сазаров минуту раздумывал.

– Может, откажемся?

– Ты доставишь такое удовольствие Пряжкину? – Не поверил Валерка.

Сазаров положил трубку. Прав Валерка. Отказываться не стоит.

Администрация города и дирекция городского Дома

Культуры организовали любительский турнир по боксу. Призовой фонд составил пятнадцать тысяч. Г-н Лобов не поспешил. Чествовать финалистов будут в «Старом доме». Принять участие в турнире мог любой желающий мужчина не старше сорока лет. Месяц назад о турнире была опубликована статья в газете. Заявки потекли рекой. Пряжкин заключил пари с Валеркой. Если Валерка дойдет до полуфинала, Пряжкин выставит три бутылки коньяка по 300 баксов за бутылку, – цена его уверенности. Валерка, подавая заявку, включил в список соискателей дармовых призовых Сазарова. Идея бредовая. До финала им не дойти. Рассчитывать на призовые не приходится. Но три бутылки коньяка...

Зальцман был откровенен:

– Вас обоих вынесут в первом раунде.

После звонка друга Сазаров принялся готовиться к турниру. Подготовка – отказ на один день от сигарет и просмотр на видео лучших боев тяжеловесов...

Зал ДК был полон. На сцене возвышался ринг. Компетентное жюри расположилось в первом ряду. Начальник городской милиции, заместитель мэра – кандидат в мастера спорта по дзюдо, и какой-то сантехник, в прошлом имевший второй разряд по боксу. Он принес три бутылки пива и теперь раздумывал, как бы незаметно выпить. Соседство с начальником милиции его беспокоило.

В первом же бою Валерка получил два нокдауна и рефери

остановил бой.

Сазаров осознавал глупость своего решения. К черту все, думал он, перелезая через канат. Упаду под первым ударом. Специально лягу. Курить хочется.

Продержался он два раунда. Соперник разбил ему бровь.

Умывшись, Валерка растянулся в раздевалке на лавке. От него несло перегаром.

– Как тебя на ринг пустили? – Сазаров умылся, переоделся.

– Мятные леденцы. – Открыл секрет Валерка. – Жаль. Коньяк нам не видать. Надо завязывать с этим.

– С чем?

– Со всем. – Валерка сделал неопределенный жест рукой. – Позавчера познакомился с одной. Молода, красива. Посидели в кабаке до полуночи. Проводил ее до дому. Она пригласила зайти к ней. – Он усмехнулся. – Только в квартире я сообразил, что надо бы вино на стол поставить. Вышел в ночной магазин. Фонари не горят. Кругом тьма. Добрался до центральной улицы. Купил вино, конфет шоколадных. Тут началось самое интересное...

– Забыл номер дома?

– Я его не запомнил. Кругом тьма, дома все одинаковы.

– Такое может случиться с каждым.

– Ты ничего не понимаешь. Что она обо мне подумала? Сбежал, импотент... А если я встречу ее в городе? Как я буду

ей в глаза смотреть?

– Как всегда. Ничего не помня, ничего не понимая.

– Пошел ты...

– Ты прав. Пойду.

– Встретимся в «Старом доме». Пряжкин человек. Может все-таки выставит одну бутылку. Ты как думаешь?..

Выйдя из раздевалки, Сазаров услышал глухой рев. В главном зале начался финал. На ринге сошлись два охранника из частной конторы г-на Лобова. Круг замкнулся – деньги к деньгам.

Ударил гонг. Рев. Первый раунд окончен.

Коридоры ДК пустовали. Все в зале. Перед входными дверями стояла тощая вахтерша. Она уставилась в миниатюрный экран переносного телевизора и смотрела какой-то сериал. Бокс ее не интересовал.

Сазаров поднялся на третий этаж. Здесь располагались маленькие репетиционные залы, радиорубка, театральная мастерская. Он услышал мелодию. Гитарный перебор. Пошел на звук. Перед дверьми без таблички остановился. Музыка стихла. Он открыл дверь. Небольшой зал. Четыре окна, сквозь которые сочился свет мутного зимнего солнца. Из мебели в углу лишь стул. На стенах большие зеркала. На стуле – дешевый магнитофон и сумочка. В центре зала, спиной к нему, – женщина. Бежевое платье с глубоким вырезом на спине. Края выреза обрамляли кружева, скатывались

в длинный подол платья и венчали его ажурным полукругом. Кружева украшали и длинные рукава платья. Они колечками схватывали запястья рук. Волосы стянуты в тугий узел на затылке. Из узла они длинным хвостом ложились на обнаженную спину женщины.

Пауза затянулась. Она ждала. Вот правая рука ее дрогнула. Она подняла руку к узлу волос. Большой палец прижат к ладони. Остальные изящно выпрямлены. В левой руке раскрылся белый веер. Магнитофон щелкнул, и гитарный перебор залил маленький зал. Женщина сделала шаг и...

Руки ее ожили. Они взметались вверх, и веер порхал вдоль ее стройного тела. Ножки ее отбивали удивительный ритм, вторя гитарам. Резкие проходы по залу, взлет подола, открывающего на секунду бледные ноги, и... пауза. Медленный поворот. Склоненная голова, сложенный веер, плавное скольжение рук. И снова резкий взлет подола и быстрый ритм движений...

– Фламенко.

Сазаров непонимающе смотрел ей в лицо. Она улыбалась. Худое лицо, заостренный подбородок. Изогнутые брови, подведенные тушью. Нос с намеком на горбинку. Губы в помаде, отчего они кажутся больше и чувственнее. Серые глаза. Капельки пота на лбу. Выбившийся из узла локон волос прилип к губам.

– Фламенко.

– Красиво. – Сказал он и достал сигареты.

– Здесь нельзя. У вас бровь разбита.

– Знаю. Это...

– Подождите, – она быстро направилась к стулу, достала что-то из сумочки и вернулась. – Вот. У меня больше ничего нет.

Она приложила к его брови платок, смоченный духами с резким ароматом. Сазаров вздрогнул как от ожога.

– Ничего страшного. Где это вас так?

– Я был одним из них. – Сазаров указал на пол.

– Не понимаю. А, турнир?

– Несостоявшийся претендент на призовые деньги.

Представился Сазаров. Он узнал ее. Невольная пассажирка серого фольксвагена. Взгляд при свете фар.

– Что вы делаете сегодня вечером?

– Вас это сильно интересует? – Вопрос ее не удивил. Улыбка стала бледнее.

– Нет. – Признался Сазаров. – Вечером будут чествовать победителей в «Старом доме». Составите мне компанию?

– Вы не победитель.

– Понятно. А вы принимаете приглашения только от победителей?

– Мне нравятся мужчины, которые могут чего-то добиться.

– Я всегда ходил в проигравших.

– Когда придете домой, обязательно воспользуетесь йодом.

– Вы примите мое приглашение?

– В «Старом доме» сегодня не будет свободных мест. Вы сами сказали, что там будут праздновать победители. А вы не из их числа. – Она собралась закрыть дверь.

– Для нас места найдутся.

– С такой уверенностью, – она задумчиво посмотрела в его глаза, – нельзя быть всегда среди проигравших. Я приду. В восемь вечера ждите меня перед входом в «Старый дом». Теперь мне пора переодеваться.

Она подарила ему очаровательную улыбку и закрыла перед носом дверь.

Отступление 2

Несколько раз курил каннабиас.

Из напитков – дорогая водка, сухие марочные вина.

Коньяк – мимо.

По причине невозможности ограничиться двумя бокалами. (Мерить выпитый коньяк бутылками – моветон.)

А виски... лучше бутылками. Пусть моветон, зато по-настоящему.

Никогда не пробовал наркотики – кокаин, героин, что там ещё?, в общем, всю эту хрень. Не знаю, что такое анаболики.

У меня есть библиотека в две с половиной тысячи томов.

Я не слежу за котировками на бирже, не связан с криминалом.

А теперь самое смешное.

СМИ, освещающие «светскую жизнь», TV, и модные «гламурные» течения в литературе, пытаются убедить меня в том, что моя жизнь НЕ УДАЛАСЬ.

(Из жёлтой папки, «Маргинал и Кошка»)

Глава 2

Сазаров нервничал. Валерка с расспросами не приставал. В центре зала «Старого дома» танцевали люди. Пряжкин что-то оживленно рассказывал Юле. Они расположились возле стойки бара. Изредка его отвлекали официанты, он бросал им что-то резкое и продолжал развлекать Юлю.

Победитель турнира шумно праздновал победу в компании друзей, и, похоже, в ход пошли призовые.

– Она красиво танцует.

Сазаров мрачно посмотрел на друга. Столик располагался в самом углу, и они отлично видели весь зал.

– Я ничего не спросил. – Поспешил добавить Валера.

– Она стриптизерша, – Сазаров выпил, – это ее работа.

– Кого это волнует?

– Пошел к черту!

– Не понимаю... Как она согласилась придти с тобой? Если бы ее привел Зальцман или Пряжкин, тут было бы все ясно. Но ты... Вы давно знакомы?

– Несколько часов.

– Врешь.

– Отстань. Налей водки... Ты не заметил одну деталь.

Пришла она со мной, но весь вечер проводит не за нашим столиком.

– Тебя тревожит такая мелочь?

– Нет.

– Я бы не думал об этом. – Валера наполнил рюмки водкой. – Она великолепно танцует. Я не встречал еще женщины, которая, имея в чем-то превосходство, не пользовалась бы этим. Такое поведение заложено в женской психологии. Приходится с этим считаться.

– Пить будешь, или мне одному предстоит осушить бутылку?

– Такой радости я тебе не доставлю.

К столику подошел Зальцман.

– Мне тоже налей. – Его покрасневшая физиономия чему-то ухмылялась. Он с трудом удерживал равновесие. Как-то девица изо всех сил поддерживала его. – Знакомьтесь, Марина.

Представил он подругу и покачнулся. Сазаров молча кивнул. Валера был более любезен. Он встал и предложил Марине сесть. Она тут же отпустила Зальцмана, который вынужден был опереться о стол. Сазарову пришлось усаживать Савву.

Ему только сок, – напомнил он Валерке.

Нет, – запротестовал Зальцман, – хочу водку.

Ты на ногах не стоишь. – Зло отрезал Сазаров.

На себя посмотри. – Обиделся Савва. – Я буду пить водку!

Валера смешал ему водку с яблочным соком.

Это его совсем убьет. Может, закажем ему кофе? – Сазаров посмотрел на Марину.

Ничего с ним не случится. – Марина закурила и поставила рюмку ближе к Валерке.

Тот усмехнулся. Марина взглянула на танцующих.

– Эта девушка, которая так выделяется, кажется, она пришла с вами?

Ты о ком? – Савва выпил, сморщился. – Гадость! Где Пряжкин?! Почему в его кабаке предлагают такое пойло?

Здесь всегда хорошая водка, – успокоил Сазаров.

Да? Значит, я действительно пьян. Мне показалось, что я выпил разбавленный самогон.

За соседним столиком разбили бокал. Официант тут же все прибрал. Потом доложил Пряжкину. Пряжкин на секунду нахмурился, взглянул в сторону столика, где позволили себе такую оплошность. Заметив Сазарова, он улыбнулся. Юля тоже обернулась, кивнула, но, заметив Марину, сощурила глазки.

Она хорошо танцует. – Марина выпила. – Приезжая?

Почему? – Удивился Валера.

Сазаров наблюдал за ними с плохо скрываемой иронией.

Я не встречала ее раньше. В городе не так много мест, где можно потанцевать. Поверьте, я бы ее заметила.

В тебе говорит знаток. – Сказал Сазаров.

Или скрытая зависть. – Савва пытался попасть вилкой в кусок жареного мяса. Лоб его покрылся испариной.

Марина удивленно на него уставилась.

Я ей действительно завидую. Я сама не плохо танцую.

Но она... Она профессионалка?

Стриптизерша.

Сазаров ожидал удивления, разочарования.

Понятно. У нее природная пластика. Сразу заметно. А еще отличная школа. Вы нас познакомите?

Зачем тебе? – Савва отложил вилку в сторону и взял ложку.

Не понимаешь? Вы ведь друзья Пряжкина? Мне Савва говорил...

И очень близкие. – Юлька уселась за столик, не ожидая приглашения. Сазаров не был удивлен. – Что вы пьете? Водку? Я тоже буду. С Пряжкиным невозможно разговаривать. У него сегодня голова забита какими-то идиотскими идеями. Марина, сделай одолжение, оставь нас на минуту. Мне надо поговорить с ними об одном важном деле.

Такой бесцеремонности никто не ожидал. Но Юля мило улыбнулась. Марина ответила ей тем же.

Конечно, дорогая. Ты же знаешь, я на чужую территорию не хожу без приглашения. – Марина потушила сигарету. – Я скоро вернусь.

Кто пригласил эту суку за столик? – Напустилась Юлька на мужчин, как только Марина ушла. – Я у вас спрашиваю или у стенки?

А в чем, собственно, дело? – Подал голос Савва. – Я пригласил, ну и что?

Не ожидала от тебя, Савва. Придти со шлюхой в прилич-

ный ресторан...

Она не шлюха. Марина прекрасная женщина, добрая и... У нее прекрасная фигура. Она великолепная модель, – понесло Савву. – Я предложил ей работу в ателье. Да. Ну и что?.. Кто-нибудь нальет мне выпить?!

Да ну тебя... По-моему, вы пропили свои мозги! – Зло сказала Юлька. – Дурачье.

Ты чего так взъелась? – Валера через силу сдерживал смех.

И Пряжкин ваш тоже идиот! – Она одним глотком опустила рюмку и встала. – Если что, я возле бара!

Бросила она небрежно.

Вечер начинает превращаться в комедию. – Сазаров выпил. – Иногда женщин не понять.

Их не надо понимать, – Зальцман мутным взглядом смотрел перед собой. – Их любить надо.

Сазаров его не слушал. Марина и Вика танцевали. Вокруг них танцевали еще человек десять, но Сазарову они казались смазанными оттисками с танца этих двух женщин.

Савва уронил голову на руки. Сазаров пересадил его ближе к стенке. Зальцман тут же уснул. Ни громкая музыка, ни шум за соседними столиками не могли ему помешать пребывать в состоянии полного отчуждения.

Пряжкин так и не выставил коньяк. – Разочарованно сказал Валерка и взглянул на спящего Савву. – Не много ему надо. Завидую.

Тебе этого мало? – Удивился Сазаров. – Наливай.

Я тебя знаю не один год, Виктор. Надеюсь, ты будешь держать себя в руках, по крайней мере, до тех пор, пока не проводишь ее?

Обещаю. – Засмеялся Сазаров.

Ему впервые за весь вечер стало легко. Валерка осторожно тронул синяк, расплывшийся под левым глазом.

Выглядим мы не лучшим образом. Не беда, шрамы украшают мужчин.

Шрамы, но не синяки.

Ты видел последний бой Тайсона? Он сдает позиции.

Не видел... Давно мы на рыбалке не были. Летом надо обязательно съездить. Позовем Савву, Пряжкина...

Не рыбалка будет. Ты знаешь Пряжкина. Он пригонит целый фургон всякой всячины, и рыбалка превратится в выездной филиал его кабака.

Музыка на миг смолкла, шум голосов взметнулся волной, громче зазвенели бокалы.

– Вот и женщины. – Валерка встал. – Вика, вы все-таки решились присоединиться к нам? Рад. Марина, мое почтение, присаживайтесь... Что будете пить?

Водку. – В отсутствии Юли, Марина чувствовала себя раскованнее. Она закурила.

– Я тоже. – Вика села рядом с Сазаровым. – Только чуть-чуть. Я давно так не танцевала.

Неужели? – Сазаров помрачнел.

Правда. – Вика на секунду стала серьезной. – Для души...

Сазаров почувствовал озноб.

Спасибо тебе. – Неожиданно шепнула Вика.

Он выпил и встал.

– Ты куда? – Подозрительно спросил Валера.

– Закажу еще что-нибудь.

– Не задерживайся. – Вика с усмешкой посмотрела на него.

Сазарову захотелось сказать что-то гадкое, но он не нашелся. Ушел. Возле стойки бара он столкнулся с Пряжковым.

– Что случилось с Юлькой? – Пряжкин пил коктейль и курил. Серебряная зажигалка небрежно лежала на стойке.

Сазаров щелкнул ею несколько раз.

– Ревнует.

– Кого?

– Не знаю. Всех нас. Странная она.

– Идиотка.

– Идиотом она считает тебя.

– Может она права?

– Наверное.

Пряжкин усмехнулся.

– У тебя нет настроения. – Он кивнул бармену, и тот сделал еще один коктейль. – Выпей.

– Что здесь?

– Водка, вермут, сок, еще что-то. Какая разница?

Сазаров попробовал.

– Ну как?

– Дерьмо. Лучше чистой водки ничего нет.

– Дело вкуса.

– Скорее привычки. – Сазаров выпил коктейль и посмотрел на бармена. – Любезный, мне водки.

Пряжкин облокотился на стойку.

– Наши привычки формируют вкус.

– Обойдемся. – Сазаров посмотрел по сторонам. – А где Юля?

– Ушла. – Пряжкин затушил сигарету. – Я разговаривал с Лобовым. Он хвалит тебя.

– К черту Лобова! Править чужие, глупые, никчемные статьи, разве этого я хотел?

– Сожалеешь?

– Ни о чем. Нет, вру. Конечно сожалею.

– О чем?

– Не могу напиться до беспамятства. Тошнота, и я все помню.

– Надо было в университете меньше читать Сартра. Кто она?

– Ты о ком?

– О твоей новой знакомой.

– Вика.

– Это только имя.

– Она танцует стриптиз по выходным в каком-то кабаке

в Питере.

– Этого мало.

– Для чего?

– Она провела с тобой весь вечер, а ты ничего про нее не знаешь.

– Я не хочу знать... Кстати, мы тут летом на рыбалку собрались.

– Я поеду. А куда?

– Какая разница? – Сазаров устало посмотрел в зал. – Пойду я.

– Еще рано.

– Надоело мне здесь. Ты не обижайся. Все было замечательно. Валерке скажи, зайду к нему на днях.

– Опять в своей норе спрячешься?

Сазаров промолчал.

– Может, выпьешь еще?

– Последнюю, – согласился Сазаров.

Он безразлично смотрел, как искрится снег в свете фонарей, освещающих вход в ресторан. Домой не хочется. Возвращаться в ресторан – тем более. Лучи фар, проезжавших мимо машин, выхватывали из мглы кружащиеся снежинки.

– Уходить, не попрощавшись – твоя привычка?

Сазаров обернулся.

– Куда пойдешь? – Вика зябко куталась в короткую шубу из волчьего меха.

Простой вопрос. Почему на него иногда так трудно ответить?

– Ко мне. – Виктор закурил. – Не возражаешь?

– У тебя хорошие друзья. Я давно так не отдыхала. Они встретили меня как хорошую знакомую. Спасибо тебе. Нам больше некуда пойти?

Она смахнула снег с его плеч.

– Я бы выпил еще... Ты красиво танцуешь.

– Это моя работа. – Вика усмехнулась. Сазарову стало неловко. – Пить тебе больше не следует. Где твой дом?..

В коридоре на стене висел огромный лист ватмана. На самом верху выделялась жирная надпись: «Желай что хочешь, но только уходя». Лист был весь исписан, – где шариковой ручкой, где цветными маркерами, а где и губной помадой. Номера телефонов и адреса, цитаты из каких-то книг, пожелания всего наилучшего и откровенные оскорбления в адрес хозяина. Сазаров не раз подумывал о том, что надо бы снять лист. Но новые надписи с упорным постоянством наплывали на старые, сжимались, горбатились, выискивая чистые клочки пространства. Лист ватмана, хранящий в себе частички чьих-то жизней, надежды, злобу, разочарование, – превратился в мозаику мироздания.

Вика мельком взглянула на лист.

– А у тебя бывает весело, – заметила она и прошла в комнату.

– Ты даже не представляешь насколько! – Тихо сказал Сазаров и отправился на кухню.

Ему хотелось выпить и уснуть.

Он сидел возле стены на полу. Рядом стояла полупустая бутылка испанского «каберне» и пепельница. Свет уличных фонарей проникал в комнату размытым бледным маревом. Он курил. На диване спала незнакомая женщина. Вика. Это только имя.

В его квартире женщины появлялись часто. Они приходили вечером, утром исчезали, оставив после себя легкий аромат духов и мокрые полотенца. Некоторые возвращались через несколько дней, но только для того, чтобы уйти навсегда. Он никого не удерживал. Зачем? Однажды он сделал попытку. Ничего хорошего не получилось. Результат – грязный развод, боль, и он три года не видел сына. Тени. Тени прошлого...

По вечерам, когда ты один и не очень пьян, они как химеры выползают из темных углов, впиваются в душу острыми когтями и терзают твою память. Настоящее краснеет от стыда и отступает под их натиском. Действительность растворяется в несбывшихся надеждах, и сожаление, мерзкое, противное, захватывает тебя. Оно ведет тебя в лабиринты прошлого, где каждый миг кровоточит, каждая секунда вызывает желание все исправить...

Это травит тебя.

Но каждый раз ты находишь в себе силы все принять, так как есть.

Какое требуется усилие отказаться от ничтожной, беспочвенной, но сладкой надежды все исправить. И уйти от соблазна предать самого себя...

Этого вполне достаточно, чтобы больше не пытаться.

Сазаров затушил сигарету. Завтра утром он заварит крепкий кофе. За завтраком она будет что-то говорить, а он от решенно смотреть в окно. Потом она уйдет...

– Почему ты не спишь? – Накрывшись одеялом, Вика сидела на диване. – Налей мне. Ты много куришь. Я заметила. Это вредно.

Не спит. Давно? Начнешь отвечать и получится ночной разговор, когда мысли рвутся на язык, и любое сказанное слово приобретает вдруг совсем иной смысл.

Он сходил на кухню, вернулся с бокалом.

– Иди ко мне. – Вика пригубила вино. – Не сиди один. Говорят, лунный свет может свести с ума, если смотреть на него в полном одиночестве.

– Луны не видно. Снег идет.

– Когда нет луны, сойдут и фонари. Не сиди один.

Сазаров усмехнулся. Какой тон, какая уверенность. Откуда это в них?! Книжечк начитались? Думают, в жизни тоже все так – пошленький романтизм, освещенный светом фонарей? Что они знают и умеют, имея красоту и молодость? Впрочем, это не мало, чтобы бойко торговать собой. Хорошо

заменяет отсутствие таланта в чём либо ещё...

Жизнь не пошленькое удовольствие. Она – удар, который всегда надо уметь держать.

Сазаров посмотрел на нее. Она ждала.

О чем я думаю?! К чему эти глупые мысли? Она в моей квартире. Стоит ли думать о чем-то другом?

Он присел рядом с ней. Ее лицо, размытое полумраком, лишенное конкретных очертаний, показалось ему в эту минуту таким знакомым, близким. Прошрое... Тени... Он тут же прогнал эту мысль. Нет прошлого. Есть только всепоглощающее сейчас...

Г-н Лобов внимательно читал статью. Сазаров ждал без интереса. Петр Андреевич с укоризной смотрел на него.

– Да, умеете вы, Виктор, преподнести сюрприз.

Удовлетворенно заметил Лобов.

Петр Андреевич облегченно вздохнул. Сазаров закурил. Слова, подумал он. Конечно, через какое-то время они обернутся парой хрустящих бумажек, которые позволят провести один-два вечера в «Старом доме» и частично расплатиться с Зальцманом за костюм. Но сейчас это только слова, напоминающие сытое мурлыканье жирного кастрированного кота, который с удивлением обнаружил в своей миске вместо воды сливки.

– Вы, Петр Андреевич, очень умны, раз сумели привлечь в редакцию такого человека, как Виктор. – Лобов отложил

статью.

Петр Андреевич покраснел. Сазаров знал – редактору невыносимо присутствие Лобова.

– Отличная статья. – Лобов улыбнулся. Кот, подумал Сазаров. Ей-богу, жирный, сытый кот. – Она должна появиться в следующем номере.

Лобов замолчал, давая редактору возможность возразить. Петр Андреевич не возражал.

– Вот и отлично. – Лобов встал. – Виктор, я бы хотел встретиться с вами через неделю. Позвоните мне, у меня есть для вас одно предложение.

Лобов ушел. Петр Андреевич смущенно посмотрел на Сазарова.

– Вот как бывает. – Сказал он.

– Да, бывает.

Выглядел Пётр Андреевич жалко.

Надо встать и уйти. Прекрасно понимая, что смущает редактора, Сазаров продолжал сидеть и курить. Он ждал.

– Лобов перечислит деньги на счет редакции через неделю, – вздохнул Петр Андреевич и достал портмоне. – Я почему-то уверен, ты не можешь так долго ждать.

Сазаров усмехнулся, молча взял деньги и, не считая, сунул в карман рубашки.

– Хочу дать тебе совет, – остановил его в дверях редактор. – В разговоре с Лобовым не иди напрямик. Поверь мне, сегодня прямая дорога не всегда самая короткая. Парадокс,

знаешь ли.

Жертвы, подумал Сазаров, выходя из редакции. Всегда жертвы. Улыбнись, промолчи, солги, откажись от чего-то, — и жизнь наладится.

Наладится ли?

Он зашел в кафе напротив магазина «Видео-Арт», пообедал, выпил рюмку водки. Посетителей в кафе было немного. За стойкой скучала барменша, лицом напоминавшая испуганную птицу. Она была в возрасте и не очень вежлива. Сазаров заказал кофе. Надо дожидаться закрытия магазина и встретить Валерку на улице. В другое время он бы не раздумывал. Но сегодня не хотелось видеть Аленку. Встреча с Лобовым — пренеприятнейшее начало дня. Не стоит усугублять скверное настроение собственной ложью. А Аленке придется лгать. Иначе нельзя. Почему? Всегда найдется десяток ответов, и ни один не будет честным до конца.

Жертвы. Пытаешься устроить свою жизнь — жертвы. Пытаешься кого-то не обидеть — жертвы. Чья-то глупость заставляет тебя идти на компромисс с собственной совестью — высшая жертва, принесенная на алтарь уродливого божества человеческой морали. Жестоко губить надежду!

А если надежда беспросветно тупа, если сама жизнь отнимает у нее право на существование, то должен ли ты поддерживать ее огонь, который питается нашей способностью сострадать?! Казалось бы, зайди в магазин, ответь резко и прямо, погаси тлеющие угольки надежды, не дай ни одного шан-

са. Легко? Лгать легче. Удобнее. Не так страдает собственная совесть. Опять жертвы...

– Чепуха. – Валерка выпил и с удовольствием стал уплетать тушеное мясо с овощами. – Выпей и не забивай голову всякой чепухой. Смотри на вещи проще. Аленка женщина не глупая. Ты зря в чем-то сомневаешься. Она все понимает. Официант подал шашлыки.

– Н-да, – протянул Валерка. – Не будешь ты жить по-спартански.

– А зачем? Не хочу. Кому это надо? Ты сам хотел бы жить по-спартански? Отказывать себе в чем-то, чего-то не делать, чего-то не хотеть?

– Нет, – честно признался Валера. – Но я бы смог.

– Какая уверенность. Я не смог зайти к тебе в магазин. Пустяк. Не смог встретиться с женщиной, которая... Куда делась моя уверенность?

– Не говори глупостей. Ну и что? Что теперь, на стенку лезть?! Что будет, если мы начнем по поводу и без о чем-то сожалеть? – Он поднял рюмку. – Ты скверный человек. С тобой невозможно разговаривать. Скучно. Надо Зальцману позвонить. Вот кто умеет радоваться жизни. А потом к Пряжкину заглянем... Кстати, твоя бывшая звонила вчера. Второй раз за три месяца.

– Да?

Не интересно. Но не хочется разочаровывать друга.

– Ты бываешь непростительно глуп. Если спустя столько времени женщина что-то вспоминает, значит, ее настоящее хуже прошлого. Кого ты обманываешь? Не говори мне, что это пустяк. Знаю тебя. Ты все еще не равнодушен. И это ее шанс.

– Как насчет ненависти, обиды?

– Эмоции. Ты говорил, что уже давным-давно все забыл и простил.

Простил? Сазаров выпил. Простил. Разве можно не простить ветер, который унес воздушный змей?! Разве можно не простить море, которое позволяет щепкам-кораблям скользить по темным холмам волн, а потом своевольно губит эти щепки, словно насмехаясь над бессилием людей перед величием природы?

Он думал, что сможет не простить. Жгучая обида, оскорбленное самолюбие. Агония умирающей любви.

Они оказались слабы, эти прочные канаты, не выдержав натяжения времени. Один за другим они беззвучно лопались, и лишь тоненькая нить памяти, – сын, выдержала. Простил. По-другому и быть не могло. И все же Валера не прав. Простить – простил, но не забыл.

– Я дал ей номер твоего «сотового».

– Давай выпьем и позвоним Зальцману. – Сазаров затушил сигарету...

Ночь выдалась морозной. Черноту неба не могли рассеять

точки звезд. Снег хрустел под ногами и искрился в рыжих пятнах света редких фонарей на объездной дороге.

Пряжкин по телефону вызвал такси и уехал с изрядно захмелевшим Зальцманом в «Старый дом».

– Через час не появитесь, – заявил он Сазарову, – отправимся вас искать. Не задерживайтесь. Столик будет накрыт.

Проводив такси, Сазаров вернулся в придорожное кафе. Валерка ждал за столиком. Зал был пуст. В такое время посетители редко заглядывали сюда. Разве что, какой-нибудь уставший водитель – дальнобойщик остановится и заглянет на чашку кофе прогнать сон.

– Они будут ждать нас через час.

– А Пряжкин говорит, – усмехнулся Валера, – что это меня трудно остановить! Раз будут ждать, приедем. Столик накроют? Отлично... Хочешь, я открою тебе секрет?

– Не люблю секреты, – Сазаров выпил.

– Я никогда не мечтал иметь свой магазин, – начал Валерка, не обращая внимания на слова друга. – Наверное, во мне умер неплохой кинокритик, как думаешь, а?

– Ничего не думаю. – Сазаров уставился в черный проем окна. – Надо было с ними уехать.

– Представь, я хотел учиться в музыкальной школе. Родители думали иначе. Может, они и правы, у меня нет слуха. Я до сих пор хочу научиться играть на саксофоне. Смешно?

Сазаров посмотрел на него с удивлением.

– Ты напился. Саксофон тебе не подойдет. Купи ударную

установку и барабань на здоровье без умолку днями напролет. Пока какой-нибудь спившийся сосед не пристрелит тебя.

– Ты цинично превратил все в хохму.

– Выпей, – посоветовал Сазаров.

Через полчаса он вызвал такси и отвез Валерку в «Старый дом». Сославшись на головную боль, он отказался от предложения Пряжкина провести ночь в ресторане.

Мороз щипал щеки, хмель таял, и некуда было спешить. Ночной город успокаивал. По центральной дороге проносились редкие машины. В ночных магазинах толпились люди – мороз заставлял искать теплые убежища. Свернув с центральной в глубь микрорайонов, Сазаров оказался в полутемных дворах, из которых не видно ночного неба – фонари светили бледным неоновым светом. Выйдя на площадь, где возвышалось серое здание ДК, он остановился возле небольшого магазинчика. От ДК к магазину и обратно тянулись небольшие толпы молодых людей. Покупалось пиво, чипсы и сигареты. На втором этаже ДК глухо звучала музыка. Возле магазина стояли две милицейские машины. Стражи порядка, затянутые в форменные бушлаты, курили и снисходительно смотрели на разухабистую молодежь, которой после выпивки и мороз нипочем. Купив большую плитку шоколада и сигареты, Сазаров направился в ДК.

Глупая идея, думал он, вряд ли сейчас выяснится что-то

определенное.

– Танцы? – Переспросила строгая вахтерша, не переставая проверять билеты молодых людей, спешащих поскорее оказаться на втором этаже. – Сегодня у нас все танцуют.

Сазаров объяснил, что он имел ввиду.

– Ну-у, – протянула вахтерша, подозрительно взглянув на него поверх очков. – Не знаю, как вам помочь...

Сазаров назвал имя.

– Она наверное из тех будет, кто платит за частные занятия. Знаете, некоторые оплачивают время и занимаются сами по себе. Если подождете, я попробую что-нибудь узнать.

Сазаров согласился.

– Как ее зовут? Вика? – Переспросила она минут через пять, пролистав замусоленный журнал посещений. – Здесь записана только одна Вика. Вот, записывайте телефон. Может, это и не она, сами разберетесь.

Сазаров достал плитку шоколада. Вахтерша улыбнулась.

– Все вы, мужчины, одинаковы...

Отступление 3

Рамки морали, жёсткие, и, казалось, незыблемые,
всё же не могут устоять перед человеческой природой.

HOMO MARGINALUS.

Пустые, никчёмные размышления!

FELIS (кошка обыкновенная)

(Из жёлтой папки, «Маргинал и Кошка»)

Глава 3

Пряжкин уверенно вел машину. За окном – неровной стеной чахлые сосны в снегу. Свинец неба давит природу невыносимой тяжестью, в которой тонкой нотой звенит рассеянный свет мутного солнца. Сазаров вдавился в спинку сиденья. Хотелось спать.

В Юшкове остановились на полчаса. Позавтракали в кафе. Посмотрели утренние новости. Платил Пряжкин. Выпив чашку безвкусного кофе и съев бутерброд с ветчиной, Сазаров прогулялся вдоль рыбного рынка.

Торговые палатки раскинулись недалеко от автостоянки. Укутанные в ватные фуфайки тетки беззастенчиво лгали о достоинствах той или иной рыбыны, свесившей мокрый скользкий хвост с грязного стола.

На автозаправке Пряжкин залил полный бак. До Санкт-Петербурга предстояло еще два часа пути. Два часа разговоров Пряжкина ни о чем.

Усевшись рядом с ним, нетерпеливо барабанившим пальцами по рулю, Сазаров включил радио. Чувство досады не уходило. Прошла неделя, а он еще чувствует себя идиотом. Семь цифр, написанных билетершей ДК на клочке бумаги, и ночь превратилась в кошмар. Он звонил Вике через каждый час. Никто не отвечал. Утром с досады выпил. Не помогло.

Она провела в его квартире всего одну ночь. Слишком рано делать выводы. Утром – пустая квартира, холодный чай. Ни записки, ни адреса. Одни ощущения – бархат ее кожи, блестящие глаза. Бледный, невыразительный голос. Исчезающее куда-то чувство одиночества – отступающая тьма от огонька дешевой зажигалки. Растворение реальности в мелкой луже псевдочувств, на миг вспыхнувших наглостью дорости до истины. Желание веры. Но что-то держит.

В Санкт-Петербурге шел снег. Двадцать минут потеряли в автомобильной пробке на Володарском мосту. На набережной Карповки расстались. Пряжкин умчался улаживать дела, каким-то образом связанные с рестораном. Условились встретиться возле станции метро Ломоносовская в семь вечера.

Сазаров проследил, как Пряжкин лихо вписался в автомобильный поток, закурил и резким шагом направился в сторону серого пятиэтажного здания, где располагался офис издательства. Разговор с редактором вышел скучный и вязкий. Виктор так и не сказал редактору о романе. Зачем? Лежат листки в желтой папке уже год, никому не мешают. Ждут. Чего? На некоторые вопросы лучше не отвечать. Тем более не следует их задавать самому себе.

Под конец разговор потерял смысл. Сазаров сухо простился. Редактор обещал звонить. Виктора он проводил безразличным взглядом.

Спешить некуда, до встречи с Пряжкиным – целый день.

Сазаров остановил такси. Доехал до набережной Фонтанки. Вышел возле дома-музея Ахматовой. Музей был закрыт. Он пошел вдоль набережной. Мелкий снег забивался под воротник. В кафе с непримечательным названием «Закусочная» Сазаров заказал бутылку молдавского каберне. Сиюминутное желание, исполненное тут же, без проволочек, имеет ряд преимуществ перед долгосрочными проектами, которые, кстати, не всегда могут воплотиться в жизнь. Визит в издательство оказался напрасным. Упущенная возможность увидеть свои рассказы опубликованными, компенсировалась бутылкой красного вина. Неравнозначная замена. Пресловутая синица, которая никогда не взлетит. Впрочем, кто требует от нее высокого полета?

Звонок сотового телефона показался неуместным. Сазаров продолжал есть. Официант в очках, болтавший о чем-то с барменом, посмотрел в его сторону. Звонок повторился. Сазаров вытер руки салфеткой.

– Слушаю.

– Привет.

Сазаров посмотрел на официанта. Тот ему улыбнулся.

Придурок.

– Молчишь? Ты не изменился. Ты где?

– В Питере.

– Встретимся?

– Где и когда? – Вырвалось у него.

– Через час возле клуба «Метро», на Лиговке. Придешь?

Он не ответил. В трубке поплыли короткие гудки. Сазаров заказал пятьдесят грамм водки на посошок и попросил счет. Снег белой пеленой завесил город...

Он узнал ее сразу. Татьяна стояла недалеко от VIP-входа в клуб. Курила. Снежинки блестели на меховом вороте короткой норковой шубки. Сазаров остановился в сторонке так, что бы она ни могла его заметить. Без шапки, подумал он, значит на машине. Три года. Она изменилась. Темный цвет волос, короткая стрижка. Подойти, сказать – привет, как дела? – и смотреть в ее глаза так, словно ничего не произошло. Это выше сил. Он закурил. Татьяна нервничала. Часто смотрела по сторонам. Если спросить про сына, то она, скорее всего не ответит. Год после развода он бегал у нее на коротком поводке. За возможность увидеть сына исполнял ее капризы. Нужны деньги? Пожалуйста. Достать билеты в закрытый дорогой клуб на светскую вечеринку? Нет проблем. Он в эти клубы не ходил. Она посещала их с другими мужчинами. Цинично, похоже на шантаж, и удивительно эффективно. Когда надоело, Сазаров махнул рукой и исчез. Три года тишины. Сын подросток.

Нет, ничего не скажет. Что-нибудь попросит. Но сейчас он ничего не может ей предложить.

Кто-то толкнул Сазарова. Он обернулся. Мужчина лет сорока небрежно извинился. Кашемировое пальто, дорогие часы. Мужчина шел к VIP-входу. Вечером он придет домой.

Снимет дорожную обувь. Жена накроет изысканный ужин. Вечерние газеты, сигареты, кофе. Умные дети вовремя пойдут спать, – папе завтра рано на работу. Разговор ни о чем с супругой перед сном. Утром – острая бритва на щеках, кофе, пара бутербродов. Обязательный просмотр утренних городских новостей. И вдруг среди сводок – сообщение о молодой женщине, покончившей с собой минувшей ночью. Глядя на ее фото, он почувствует ком в горле. Нервно щелкнет зажигалкой. Вспомнит – вчера в обед звонил, говорил что-то резкое, ссылался на детей. Искал причину. Холодное лезвие на тонких венах...

Мужчина в пальто поздоровался с двумя молодыми девушками. Смеясь, они взяли его под руки.

Нет никакого лезвия, все будет по-другому. Мужчина придет домой, сядет на кухне. Будет пить кофе. Ему хочется водки. Он пьет кофе. Она молча повесит пиджак на спинку стула. Ей хочется плакать. Она сдерживает себя. Сядет рядом с ним и будет смотреть в окно на снег. Когда-нибудь он напьется. Она когда-нибудь заплачет. Швырнет его вещи на лестничную площадку. Громко хлопнет дверью. «Ну почему он тогда не захотел ребенка?!»

Мрачно.

Наверное, у него все хорошо. Семья, бизнес, друзья. Скука на лице? Это ничего не значит. Почему этот поц, довольный жизнью до чертовой скуки, не может быть счастливым?!

В кармане пальто глухо зазвенел мобильный. Сазаров

взглянул на Татьяну. Она звонила. Звонила ему.

Вокруг толпились люди. Молодежь собиралась вокруг центрального входа в клуб. Люди посOLIDнее подтягивались к VIP-входу.

Никому нет дела, что мы здесь потеряли или нашли. Каждый день умирает чья-то любовь. Жизнь не справляет поминки.

Сазаров бросил окурок в урну и пошел по проспекту в сторону Обводного канала. Телефон замолчал. Что он мог сказать ей? И что он мог услышать от нее? Ничего. Или много всяких пустяков.

Когда-то она обвинила во всем его. Сказала, что он сам хотел этого. Добивался. Не мог как другие.

– Терпеть и ждать? – Поинтересовался тогда он.

– Простить, дурак. Простить. В конце концов, завести себе любовницу. Но жить с семьей! – Ответила она.

Он не смог принять такую ложь. До сих пор не научился. Не дано...

– Я могу поговорить с Викой?

– Слушаю вас.

– Прости, я не узнал тебя.

– С кем я разговариваю?

Сазаров повесил трубку. Бармен наполнил его стопку и отошел на другой край стойки, где Пряжкин разговаривал с Зальцманом.

– Он пьян. – Сообщил бармен Пряжкину.

Пряжкин посмотрел на Сазарова. Тот выпил и уставился в одну точку.

– Пустяк. Налей ему еще.

Бармен и бровью не повел. Наполнил стакан на треть.

– Коньяк?

Бармен усмехнулся.

– Либо его стошнит, либо свалит.

– Позавчера я ждал его в Питере. Он появился ровно в семь. Пьяный. Таким я его давно не видел. Виктор!

– Оставь его. – Зальцман облокотился на стойку. – Ему сейчас не до нас. Знаешь, я подумал, что Маринка похожа на Анжелину Джоли.

– Савва, ты перебрал. Она на нее не похожа. Совсем другой тип лица. А Сазарову надо выпить. – Настаивал Пряжкин. – Передай ему стакан.

Савва опередил бармена. Схватил стакан, выпил, скривился.

– Вызови такси. Отправим его домой.

– Переночует здесь. У меня хороший кабинет. Диван мягкий.

– Ему женщина нужна.

Пряжкин уставился на бармена.

– А что, – развел тот руками. – Так всегда бывает. Если спиртное не помогает, значит, нужна женщина.

– Неуверен. – Зальцман жестом попросил бармена повто-

ритель. Бармен показал ему бутылку, Савва кивнул. – Вряд ли он будет в восторге.

– Никто не собирается его спрашивать. – Пряжкин щелкнул зажигалкой, посмотрел в зал. Валерка спал, уронив голову на стол. – Надо Юльке позвонить.

– Лучше снимем ему проститутку. С Юлькой хлопот не оберешься.

– Может, Маринку попросим? Проводит его, потом вернется.

– Ты шутишь?

– Серьезен как никогда.

– Пошел к черту. Звони Юльке.

Теплый душ освежал. Сазаров посмотрел в зеркало. Трехдневная щетина, воспаленные красные глаза. Неприятный тип. Незнакомец. Не понравился.

Вика на кухне заварила кофе.

– Ничего не спрашивай. – Ответил Сазаров на ее взгляд, прошел в комнату, растянулся на диване.

Как он оказался в подъезде дома с Юлькой, – Сазаров не помнил. Было тошно. Чтобы не упасть, он обнял Юлю. На лестнице они столкнулись с Викторией. Дальше провал. Что произошло? Неужели наконец-то пришло состояние, которого он так ждал – память отказывает, и стыд тонет в хмельном угаре? Можно предположить, что состоялся разговор. Неприятный, это точно. Звук пощечины. Юлька не могла по-

ступить иначе. Стерва....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.